

УДК 82-09

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И АВТОКРИТИКИ

А.В. Козорезова

Анализируются критические статьи и интервью самого М.И. Синельникова для выявления и исследования типологических и отличительных черт его творчества. Ставится цель познакомиться ближе с современниками поэта, проследить эволюцию стихотворных тем и проникнуться поэтической атмосферой, реалиями жизни поэта.

Ключевые слова: Синельников; критические статьи; интервью; современники поэта; поэзия; творчество; диалог культур; Киргизия; детали; чувства; материалы; отзывы; Восток.

DIALOGUE OF CULTURES IN THE MIRROR OF LITERARY CRITICISM AND AUTOCRITICS

A. V. Kozorezova

The paper analyzes critical articles and interviews of the M. Sinelnikov to identify and explore the typological and distinctive features his work. The author also aims to get closer to the poet's contemporaries, to trace the evolution of the poetic themes and to penetrate the poetic atmosphere, the realities of the poet's life.

Keywords: Sinelnikov; critical articles; interviews; contemporaries of the poet; poetry; creativity; dialogue of cultures; Kyrgyzstan; details; feelings; materials; reviews; East.

Изучение и погружение в творчество Михаила Исааковича Синельникова невозможно без ознакомления и анализа критических статей на произведение поэта. Историографический обзор творчества дает возможность выявить и исследовать типологические и отличительные черты произведений автора. Также мы видим в этом возможность познакомиться ближе с современниками поэта (так как большинство критических отзывов было написано друзьями, учителями и поэтами-современниками), проследить эволюцию стихотворных тем и проникнуться поэтической атмосферой, реалиями жизни поэта.

Цель этой публикации – изучить и составить хронологию критических отзывов о творчестве Михаила Синельникова. В качестве научной гипотезы утверждается, что во всех критических отзывах отмечаются важные особенности поэзии Михаила Исааковича – во-первых, влияние биографических событий на творчество, во-вторых, зарождение из этого влияния темы “диалога культур”.

Для более полного раскрытия темы мы считаем необходимым обратиться не только к критическим статьям о творчестве поэта, но

и к “самокритике” поэта и его собственным статьям-мемуарам.

Необходимо сказать, что, несмотря на признанный литературным сообществом и читателями талант Михаила Исааковича, критических отзывов на его творчество было написано немного. Именно поэтому в данной публикации мы постарались собрать и проанализировать все возможные записи, цитаты и статьи-воспоминания, в которых упоминалось о творчестве Михаила Исааковича и его вкладе в современную литературу.

В процессе изучения и поиска критических материалов о творчестве Михаила Исааковича Синельникова автор данной работы столкнулась с тем, что кроме критических материалов были найдены многочисленные интервью, которые давал сам поэт, особенно на протяжении последних 10 лет. Мы считаем, что данные материалы также послужат раскрытию основной темы этой статьи.

В итоге сложилась более или менее целостная картина основных мотивов критики и самокритики Михаила Синельникова.

Первые комментарии к стихотворениям Синельникова принадлежат Леониду Мартынову, с помощью которого, как признается сам по-

эт в своей статье “В снегах эрцинский лес” [1], в 1968 г. были напечатаны первые стихотворения Синельникова в газете “Московский комсомолец”. Небольшой отзыв к этим первым опубликованным стихотворениям написал “сам” Леонид Мартынов: “Трудно предполагать грядущее, но, как мне кажется, на наших глазах растет обещающий поэт” [2, с. 529]. В своей статье Синельников рассказывает, что с поэтом у них завязалась и переписка, а потом, постепенно, и творческая дружба... Л. Мартынов был первым автором, которому М. Синельников в юном возрасте посылает свои “вирши” и ждет многообещающего ответа. “Стихи Ваши мне нравятся. И я сразу передал их в редакцию журнала “Юность”. Напечатают ли они их, я не знаю, но, во всяком случае, товарищи, которым я их передал, встретили их с интересом и думают написать Вам. Шлите мне Ваши новые стихи, я их еще покажу кое-кому...” [1]. Но тогда стихи так и не увидели свет, а уже после, при встрече в Москве Мартынов заметит: “А Вы пишете так, чтобы Вас в конце концов нельзя было не напечатать. Нужно, чтобы Ваши стихи были настолько доказательны, чтобы редактор не мог устоять. Доказательность!” [1]. Видимо, именно эту доказательность все же уловил сам Мартынов. Поэт видел в стихотворениях Синельникова нечто схожее со своими образами. В своем интервью Синельников говорит, что Мартынов сказал ему, что обратил внимание на его стихи именно из-за схожести образов и чувств. В то утро он написал одно стихотворение очень схожее с произведением “юного ошского друга”... Л. Мартынов, как настоящий учитель, не всегда одобрял увлечения своего ученика, то он говорил, что в его стихах еще много чужого, например, чувствуется влияние Гумелева... то недостаточно яркие метафоры... [3, с. 24].

С течением лет Синельников осознает, что “тем не менее, если мои очередные стихотворные опыты ему и не нравились, отношения к автору он не менял. Вывод о том, что в моих писаниях есть что-то “стоящее”, был сделан раз и навсегда. Но мне, вероятно, было необходимо пройти все фазы развития, не перепрыгивая через ступеньки, и, разумеется, следовало образоваться. Я был из тех, кто должен был продолжить его дело! Это было главное. Как он писал в 52-м году: “Кто следующий? Ты следующий! Во многом еще несведущий, Но ясную цель преследующий, Моим оружием орудующий, Откликнись, Товарищ Будущий!” [1].

Л. Мартынов пишет об удивительном влиянии Средней Азии на творчество и “культуру стиха” молодого поэта. Из воспоминаний самого М. Синельникова: “...кроме того я словно бы повторял его судьбу. Хотя бы в деталях и отдален-

но – в новое время. Я даже был его “земляком”: “Видите ли, я тоже родился и провел детство в Азии. В северной ее половине...” [1]. Схожесть судеб обоих поэтов наблюдалась в начале пути, но потом, как отмечает Синельников, пути разошлись, и у него началась немного иная профессиональная жизнь, хотя связь с Л. Мартыновым не обрывалась никогда.

Позже сам Михаил Исаакович говорит о том, что у него “возникли теперь различные литературные знакомства: с В.А. Кавериним, с литературоведом Н.Л. Степановым (которых знал еще отец), с С.И. Липкиным, с Е.А. Евтушенко. Началась протянувшаяся на долгие годы дружба с А.А. Тарковским, возникло почти ежедневное общение с А.П. Межировым” [1]. Все перечисленные авторы также писали отзывы и рецензии на поэзию Михаила Исааковича.

В 1971 г. Вениамин Каверин (русский советский писатель (1902–1989), пишет отзыв о первых напечатанных стихотворениях Синельникова – “уже по первым его произведениям... можно судить, что он обладает незаурядным поэтическим дарованием” [4, с. 12]. Для В. Каверина важно, что в стихотворениях Синельникова есть ответственное и нравственное начало, в его стихотворениях вложено много знаний “русской и мировой литературы”, а также произведения наполнены “неожиданной образностью, заботой о мелодичности” [4, с. 7]. В. Каверин также отмечает огромную связь между стихотворениями автора и его Родиной: стихи Синельникова “призывают к изучению истории народа” [4, с. 7]. Писатель говорит в своем отзыве о том, что в стихотворениях поэта видно самое главное – “стремление найти и развить свой собственный поэтический голос”, который, несомненно, для Каверина выражен в его самобытной “киргизской поэзии”, в неординарности образов и взглядов [4, с. 7].

Интересно, что это же свойство стихотворений и манеры писать отмечает друг Михаила Исааковича – Михаил Зенкевич (русский поэт и переводчик, 1886–1973 гг.). В 1971 г. он писал, что Синельников “самоотверженно, вдумчиво и глубоко относится к поэзии, стремится найти в ней свой путь и выразить творчески своеобразно себя как поэта...” [2, с. 530]. В одном из своих интервью Михаил Исаакович рассказал подробнее о своих взаимоотношениях с Михаилом Зенкевичем и его влиянии на свое творчество. “...Я был близко знаком в последние его годы с последним акмеистом Михаилом Зенкевичем. Смею сказать: из живых встреченных поэтов он мой единственный настоящий учитель. Зенкевич повлиял на мою поэтику, показав, что форма может быть не мертва! <...>

Стих как отчеканенная валюта. Именно Зенкевич мне показал, что этим, часто мертвым ямбом, можно выразить живое. Энергия, борьба доисторических хищников, страсти, кровь, мощь...” [5, с. 37].

А. Тарковский (русский поэт и переводчик с восточных языков (1907–1989 гг.) так написал о первых сборниках М. Синельникова: “...современная жизнь народа и его героическое прошлое – ключ, обретенный поэтом, давший возможность Синельникову проникнуть в сердце каждого, кто узнал его стихи” [4, с. 8]. Так же, как и другие критики произведений Синельникова, А. Тарковский отмечает, что стихотворениям поэта (молодого поэта, которому еще только 24 года) “свойственны четкость изобразительных средств, экспрессия образности, сердечность рассудочности” [4, с. 8].

Рецензию на первую книгу стихотворений, изданную в советской Киргизии, написал Александр Межиров (1923–2009) – русский поэт и переводчик. “Межиров стремился сблизить меня с современной жизнью и писать свою жизнь, а не какие-то идеи и видения. Писать себя. Он хотел из меня извлечь меня самого. У него была и своя – в высоком смысле корыстная – цель: воспитать равного собеседника” [5, с. 37], – вспоминал М. Синельников. Видимо, этот путь наставлений и уроков был пройден Синельниковым не зря и с видимым успехом, так как А. Межиров в своем предисловии к книге пишет о том, что стихотворения Михаила Исааковича “вместе с внезапным дыханием неподдельной поэзии принесли с собой в русском слове дыхание востока, дыхание киргизской земли...” [4, с. 3]. Поэт также замечает серьезность, вдумчивость и реалистичность в произведениях Синельникова. Кроме того, как и остальные критики, А. Межиров замечает “углы времени” [6, с. 4], которые поэт пытается обнажить и заострить на них внимание.

Интересно, что его слова практически полностью совпадают с мнением Арсения Тарковского, писавшем, что поэт, несомненно, обладает “хорошим художественным вкусом”, его стихи “чужды сентиментальности... и равнодушия к явлениям жизни” [4, с. 8]. А. Межиров отмечает, что “стихотворения отмечены благородством вкуса и острым осознанием действительности” [6, с. 3]. Этот отзыв Александр Петрович Межиров писал в 1979 г. Позже, а точнее через пятнадцать лет, в 1994 году, уже в нью-йоркском журнале “Слово” А. Межиров снова печатает отзыв о творчестве Синельникова. В своей статье автор сетует на изменение восприятия поэзии как высшей культуры, ее приравнивают к чему-то более низкому – “литературная эпоха не то салонной, не то языческой метафизики Охотно-го ряда...” [4, с. 10]. Автор отмечает, что поэт М.

Синельников сохранил в своих стихотворениях “архаическую верность классическому русскому стиху” [4, с. 11].

Грузинский поэт Александр Цыбулевский в своем отзыве на рукопись стихотворений и переводов Михаила Синельникова “Аргонавтика” (стихи о Грузии и переводы грузинских авторов) в 1974 г. пишет, что в стихотворениях поэта есть свой собственный язык искусства. “Так в живописи важна живописность, которую не подменить ничем другим... В стихах ценна некая стихотворность... до сих пор не открытая теорией... Стихи Синельникова – стихотворны” [2, с. 531]. А также он пишет об этой книге стихотворений, что она есть явление “культуры в самом высоком смысле этого слова” [2, с. 532]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что автор статьи также отмечает высокую художественность поэзии Синельникова, ее приближение к классическим “культурным” образцам.

Анализируя критические статьи о поэзии Михаила Синельникова, можно разделить их на два временных этапа: во-первых – путь становления поэта, когда критические статьи писались различными авторами в период с 1970 по 1986 г. И второй этап – зрелость поэзии, критические рецензии начинаются со статьи в нью-йоркском журнале “Слово” Александра Межинова (1994 г.) и далее уходят в дни нового века. Это явление можно объяснить самой работой М. Синельникова. После 90-х гг. поэт выпускает несколько новых сборников, о которых нельзя было не говорить. А вот в промежуточное время Михаил Исаакович отдает предпочтение работе над переводами и много путешествует. Итогом его путешествий можно назвать книгу “Холодный ключ”, которая вышла в 1986 г. Владислав Кулаков (журналист и литературный критик) в своей рецензии на эту книгу пишет, что основой всей концепции произведений М. Синельникова, несомненно, является “присутствие обширного контекста мировой культуры, освоенного сознанием современного человека” [7, с. 81]. Автор делает акцент на том, что М. Синельников – “современный” автор, так как поэт легко преодолевает географические и культурные барьеры. Действительно, в новой книге М. Синельникова четыре раздела – “Европа (“Под северным сиянием”), Средняя Азия (“Тюркская ночь”), Кавказ (“Семь цветов”), Индия (“В зимней Индии”) – четыре различных культурных пласта, вполне гармонично объединенных в одном поэтическом мире” [7, с. 81]. Автор критической статьи отмечает, что в стихотворениях М. Синельникова очень много “археологических” образов, для поэта нет временных границ и он шагает из века в век. “Прошлое, пройденное, пережитое,

остаётся лишь в области духа, в памяти и обретает наиболее полную жизнь в искусстве:

Удержи мельканье, измельчение,
Чтоб из жизни мчащейся извлечь
Живописи жадное молчанье
Музыки нечаянную речь” [7, с. 82].

В. Кулаков видит в этих строчках основное предназначение поэта, “его поэтическую задачу” и “художественные принципы” [7, с. 82]. Кулаков пишет, что речь поэта всегда музыкальна и очень живописна. Однако как некоторые стихотворения выигрывают от такого слога, другие от него страдают. Автор рецензии делает выводы, что в такой созерцательности и живописности М. Синельникова “есть свои опасности: совсем незаметно может ослабиться внутренний конфликт лирического произведения и тогда собственно поэтическое содержание... утрачивает глубину, подменяется чистой декоративностью” [7, с. 82]. Такие “неудачные” стихотворения, по мнению В. Кулакова, есть и в этом сборнике. Итог автора статьи – для М. Синельникова очень важно пережить и прочувствовать самому “ветер перемен”, стихотворения “из лично пережитого прошлого” [7, с. 82], именно в таких “прочувственных” стихотворениях поэта чувствуется необходимая глубина творчества.

Следующий сборник стихотворений “Обломок” М. Синельникова о непростом времени перепутья и борьбы выходит в 1997 г., в него входят стихотворения, написанные в непростые девяностые годы. Через год, в 1998 г., Семен Липкин пишет отзыв на эту книгу стихотворений М. Синельникова, публикация носит название “Сердце брата”. Автор статьи отмечает, что важной составляющей творчества и в конкретном случае данного сборника стихотворений является восточная тематика. “Востоком, прежде всего Средней Азии, но также и далеким, зарубежным, дышит книга стихов Михаила Синельникова “Обломок” [8]. И еще одно очень важное “впечатление от книги”, утверждает автор рецензии, “она написана хорошими стихами” [8]. В своей статье Семен Липкин приводит слова А. Тарковского о поэзии Синельникова, которые были сказаны еще двадцать лет назад. Эти слова о точности эпитетов поэта, которые настолько хорошо подобраны, что даже не допускают других вариантов. А также о деталях стихотворений, которые всегда кстати. И.С. Липкин полностью подтверждает и дополняет мысль Арсения Тарковского: “...радуешься обдуманному и всегда необходимому эпитету, полноте и частоте новизны рифмы, наблюдательности не очерковой, а живописной” [8]. Далее автор, рассуждая о том,

почему же книга стихотворений Михаила Исааковича носит название “Обломок”, делает предположение, что это из-за происхождения самого поэта, но потом осознает, что корни книги намного глубже: Киргизия и Средняя Азия, а также весь восточный мир, изучению которого поэт посвятил всю свою жизнь. М. Синельников был в Персии, Индии и много времени посвятил изучению культуры и литературы этих стран – важный обломок всей жизни поэта и он чувствует постоянную связь с историей, религией и культурой этих стран. Сам автор рецензии, читая стихотворения поэта, видит в них свои ассоциации и связь с киргизской землей. В своей статье он вспоминает ушедших друзей и покинутый край. В конце публикации автор сетует, что нечасто находит произведения Михаила Исааковича в различных периодических изданиях, но “между тем он – поэт, что – всегда – большая редкость” [8].

Другую и по тематике и по внутреннему восприятию рецензию опубликовал в журнале “Дружба народов” Валентин Яковлевич Курбатов (литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии “Ясная Поляна”, член Союза писателей России) на цикл стихотворений М. Синельникова “Обломок”. Статья Курбатова называется “Преображение” (1998), в ней он выдвигает другую точку зрения на произведения поэта. “Преображение” автора стихотворений Валентин Яковлевич видит в том, что в новом своем сборнике поэт отстраняется и прячется от своего читателя “...от стихотворения к стихотворению отчетливо чувствуешь холодок...” [9]. Автор статьи видит в произведениях поэта самозащиту и “осмотрительность души”, души, “не желающей оказаться беспомощной перед энергичной и неопрятной историей” [9]. Мнение автора статьи, что цикл стихотворений очень правдиво назван “Обломком”, так как выражает одиночество и смесь разных чувств. Это “обломок” дня, жизни, империи, истории, где ничего “не разобрано”, и все, как и во всякой жизни, рядом – высокое и низкое, всеобщее и потаенное, полдненное и полуночное” [9]. Автор видит метание и страх поэта, его внутренний надрыв в этом сборнике, его незнание “что делать”:

Все расплывается в повести лет
Памятью зим.
Выпить ли яду, купить ли билет
В Ерусалим... [9]
 (“Анна Кукушкина”)

Но сам поэт, по мнению автора публикации, не “сбегает”, он, все же, остаётся в России с ее “горькой” участью и разделяет ее судьбу. Но он страдает вместе с ней, и свои страдания прячет

глубоко внутри, возвращаясь воспоминаниями в далекое “милое” ему прошлое. Итог его статьи, что все перипетии последних лет накопили “такое количество симптомов настоящего безумия, то тут поневоле замкнешься и постепенно отгородишься от читателя...” [9]. Сквозь строчки публикации чувствуется, что автор публикации не видит поэта семидесятых годов в новом времени, которое для него чуждо и в котором поэту “страшно”:

“Любовь и похоть, страх, шизофрения,
Поэзия и водка – как не быть
Мне в Кашенко? Но времена иные,
И ножницами разрезаю нить.
И ленточка упала... Ночь – как сажа,
Иль это – день? Куда же вышел я?
Быть может, здесь начало вернисажа?
Иль разом жизнь окончилась моя?”

Это разом кончалась наша общая жизнь, и когда твои кости отвердели в ТОМ мире, никак не выходит беспечно войти в ЭТОТ...” [9].

Вера Чайковская (кандидат филос. наук, писательница, критик) пишет в своей рецензии за 1999 г. на сборник М.И. Синельникова “Незнакомый голос” (1999) [10, с. 9], что в этом сборнике чувствуется, что поэт говорит “...не только про какие-то чужие голоса, но и про свой собственный отважившийся, вопреки правилам сервиллизма, с грубоватой безудержностью говорить то, что поэт считает правдой...” [10, с. 9]. Она пишет о том, что именно это “стремление к предельной правдивости” [10, с. 9] отличает поэзию М. Синельникова последних лет.

Следующий сборник стихотворений поэта выходит в 2002 г. – цикл стихотворений “Шелк”, на который пишет рецензию Александр Касымов (критик, журналист, редактор). Статья А. Касымова называется “Шелкопряд” [4]. Критик подмечает “историчность” стихотворений поэта и говорит об их “мемуарности”, и что этот аспект очень важен для поэзии М. Синельникова. “Историчность появляется в его стихах – из частной истории из истории жизни <...> и это – записки человека, прожившего большую жизнь...” [11]. А. Касымов подмечает в произведениях М. Синельникова множество поэтических парадоксов – “глубина России – как глубина этих прозрачных стихотворений, где пафос лиричен, элегия успешно впитывает одические ноты и нотки”. Критик также не может не отметить удивительный мир Востока в стихотворениях поэта и говорит об этом мире: “доведение звука, цвета и воспоминания до символических высот – признак того, что мы всегда на Востоке”. А. Касымов объясняет название своей статьи, “Шелкопряд”, – говорит о технике шелкографии, что поэт примеряет на себя

профессию мастера по шелку, который накладывает краски слоями, и они впитываются в материю. Поэт хочет донести до читателя глубину своей поэзии, но она всегда как бы в дымке, как и картина, писанная на шелке... В стихотворениях Синельникова читатель всегда чувствует историю и прошедшее, но оно “дымчато”. Также критик отмечает удивительную способность стихотворений М. Синельникова к непредугаданной никем концовке, но которая имеет важный сокровенный смысл, это, действительно, вершина лейтмотива и внутренней философии произведения. “Завершить изображение или историю, высказывание афоризмом – это вполне в духе Михаила Синельникова. Важно не сказать что-то непременно новее и непременно оригинальное, а провести последнюю линию на шелковом полотне, и сделать это четко. Отпечатать” [11].

Со слов А. Касымова, поэзия М. Синельникова “ткет единый ковер”, в его произведениях вплетены все нити, в них нет “никакой оппозиции... не разводит противоречия по сторонам, он, напротив, сводит их в единый клубок...” [11]. Критик видит, что более поздние стихотворения поэта более глубокие и более “развиты” “И чем дальше, тем менее ощутима здесь орнаментальность или просто неполнота впечатлений детства...”. В заключение своей статьи А. Касымов подводит итог, что все произведения поэта в целом “соединяют времена жизни – раннее, зрелое и позднее...”. Поэзия М. Синельникова “развивает внутри себя диалог различных культур”. И в то же время А. Касымов замечает, что “гордая лапидарность этого стиха, его минималистическая отточенность совершенно не мешают поэту изображать мир большим, гигантским. Один и тот же ветер дует в березовой роще и в саду, где растет урюк...” [11].

В своем отзыве на один из циклов стихотворений поэта – “Шелк” Людмила Чумакина (поэтесса, литературный критик, автор короткой прозы) пишет, что “от былых клокочущих ритмов, захватывающих дух, которым обязаны ранние и не слишком поздние стихи поэта, не осталось ничего в трех последних книгах: “Незнакомый голос”, “Шелк”, “Скорпион”. Но поэт себе не нанес урона, оставаясь неутомимо интересным” [10, с. 18]. Критик подмечает, что эмоции и направленность стихотворений изменились, что поэт, “сменив пластику, ... стал краток и сокрушительно мстителен (интонационно и остро-адресно), ...он прописывает свои несогласия и несоответствия... Синельников жмет на все болевые точки (от семьи до государства), но не слишком близко подпускает к себе...”. Здесь эмоции и видение стихотворений данного автора повторяются с Валентином Курбатовым, который говорил о замкнутости поэта и “садозащитной осмотрительности души”

[9]. Критик подчеркивает, что поэт и в этом, в одном из последних сборников стихотворений, не потерял своего кредо и остался верен себе. “По сути в новых книгах он остался верен себе, ибо зрит в корень. В книге, если ее раскрыть на середине, по правую сторону ляжет прошлое – “Сон шелкопряда”, а по левую – нынешнее: “Незнакомый голос” (между ними рубежная книга “Обломок”, а в конце книги – стихи “из ящика стола”). Влажность сменяется сухостью, как юность старостью, почти без перехода. Но в этой “сухости” такая фатальность, что “сухое” просится быть перечитанным неоднократно.

Боярышника ветвь живая
Меня схватила на ходу.
Весть белоснежная из рая,
Где в незапамятном году
Я жил и чуду удивлялся,
И укололся, и сорвался,
И вот в чистилище бреду” [12, с. 18].

Л. Чумакина рассуждает о названии стихотворного сборника М. Синельникова “Шелк”. Возможно, говорит она, эта книга плоды предыдущей книги “Сон шелкопряда”, это итог жизни – вытканый со временем шелк, возможно, автор стихотворений намекает нам на “великий шелковый путь” и снова о нерушимой связи с Востоком, который так близок ему. Другое предположение критика связано с философским подходом к жизни и творчеству самого автора, которое мы видим в его новых произведениях:

Вопросом о свободе воли
Измученный всю жизнь свою,
Стою я в русском зимнем поле,
Свободы не осознаю.

Но посреди снегозанося,
Где потерялась мысли нить,
Никак нельзя решить вопроса
И остается только жить [12, с. 18].
 (“Вопрос”)

Л. Чумакина считает, что поэт “скользит по шелку времени” и сам не ведает куда. Ему трудно живется в этом новом времени и он “не рад хаосу, он чтит некие правила, живущие в крови независимо от временно предлагаемых, тем самым обретая право сказать о жизни сложно-почтительно и пылко-враждебно” [12, с. 18].

Л. Чумакина отмечает, что в последних произведениях поэта во много ушла “азиатчина”, но и вместе с ней ушла “свежесть чувств...” В заключение своей статьи критик снова приходит к мысли

и доносит ее до читателя, что в последних сборниках внутренний мир поэта невозможно ухватить, он скрылся и мысленно остался далек от того времени, в котором он творит [12, с. 18].

Эта была последняя рецензия, датируемая 2004 г., которую нам удалось разыскать. В одном из своих интервью, которое он дал в 2004 г., сам автор рассказывает о только что изданном новом сборнике “Под сенью кедра”: “Это итоговое собрание. <...> В книге две части. Первая: написанное в 90-е и даже в последние годы, вторая: в советское время. Года два назад на окраине старого Дели ночью в султанском парке, некогда полным кобр, я заблудился с одним соотечественником, несколько часов мы впотымах искали выход, разговаривая об истории, о поэзии и об Индии. Мой спутник оказался просвещенным предпринимателем, хозяином концертна, строящего кедровые дома. Под конец нашей беседы он вдруг предложил финансировать мой одномомник. И пожелал остаться неизвестным. Книгу свою я назвал “Под сенью кедра”. В названии этом нет принужденности и зависимости. Под конец, обращаясь к читателям, я все же касаюсь кедра, рассказывая о том, что он значил в библейской и русской поэзии” [5, с. 39].

Необходимо отметить, что с 2000 по 2010 г. творчество поэта перетекло в другое русло, косвенно касавшееся темы всей его жизни – Восток и Россия. М.И. Синельников продолжает активно заниматься переводами великих писателей различных азиатских стран – Индии, Персии, Грузии, Узбекистана и т. д. Он много путешествует, не забывает и о родном сердцу Кыргызстане. В 2016 г. Михаил Исаакович посещает дом-музей Алыкула Осмонова и дает небольшое интервью для радио “Азаттык” [13].

Один из главных вопросов, который задают Михаилу Исааковичу, известному переводчику стихотворений разных восточных народов: что представляет собой профессиональный перевод поэтического текста? Поэт отвечает: “Мы все понимаем в душе, что поэзия субстанция непереводаемая. Поэтому я употребил бы тут не русское слово “переводчик”, а украинское – “перекладчик”. То есть, это тот профессионал, который перекладывает кирпичи, переставляет и заново возводит архитектурное сооружение. <...> Моя формула такая: конечно, поэзия непереводаема, она не может быть зеркально отражена ни в каком переложении, но если переводит великого поэта поэт, пусть даже меньший, может иногда получить истинная поэзия. Но она будет не копией оригинала, а поэзией “близкородственной”, она будет его сестрой” [13]. Несомненно, исходя из такого отношения самого автора к своей переводной деятельности, мы

можем обоснованно заявить, что все переводы М.И. Синельникова являются частью его творческого наследия. И именно они подчеркивают тему “диалога культур” в его творчестве.

Напомним, что М.И. Синельников переводил многих киргизских поэтов, кроме Алыкула Осмонова: Токтогула Сатылганова, Касыма Тыныстанова, Суямбая Эралиева и Жолона Мамытова, стихи и поэмы Райкана Шукурбекова, Сооронбая Джусуева, Омора Султанова, Суеркула Тургунбаева, Анатая Омурканова и других авторов [14].

Нельзя не отметить, что кроме переводов в эти годы Михаил Исаакович занимается литературной деятельностью. Он стал составителем ряда антологических сборников: “Свидание с Тбилиси”, “Киммерийская сивилла”, “Петербург – Петроград – Ленинград в русской поэзии”, “Град срединный, град сердечный. Москва в русской поэзии”, “Русская няня”, “Омар Хайям в переводах русских поэтов”, “Персидская классическая поэзия”, “Персидская любовная лирика”, “Хафиз в переводах русских поэтов”, “Незримое благословенье. Исламский Восток в русской поэзии”.

С 2003 г. Синельников является главным составителем всеобъемлющей антологии русской поэзии, создаваемой в рамках долгосрочного проекта Российской академии наук “История в зеркале поэзии”.

Михаил Исаакович подготовил к изданию антологию “Тюркский мир в русской поэзии” [15, с. 11]. В одном из своих интервью в 2016 г. для газеты “Вечерний Бишкек” поэт рассказывал об этом монументальном сборнике: “Это довольно большой труд, объемом почти две тысячи страниц. Я старался, чтобы он включил все, что за ряд столетий в России было написано обо всех тюркских народах. Планируется издание антологии, которая уже существует в электронном виде, в двух томах” [15, с. 11].

Действительно, это стало настоящей целью в жизни – рассказать больше о любимом крае, о взаимосвязи двух миров – России и Азии, “открывая подчас малоизвестные широкой публике факты” [15, с. 11]. Михаил Исаакович нашел информацию о первых великих поэтах, которые посетили киргизскую землю и также, как и некогда он сам, получили мощный заряд творческого вдохновения.

В продолжение этой темы нужно сказать, что в 2012 г. Михаил Исаакович снова посетил родной Кыргызстан и, как признался сам поэт, “эта поездка, как и любое прикосновение к родной земле, дала импульс к написанию стихов. Охватили воспоминания, переживания, все это воплотилось в творчестве. Случилась вообще странная вещь –

за последние несколько лет я написал столько стихов, сколько не писал за всю предыдущую жизнь. И уже в основном они изданы, вышли три книги – “Пустыня”, “Перевал” и “За перевалом” [15, с. 11].

Эти три сборника, несомненно, связаны друг с другом и выходят последовательно – “Пустыня” в 2014 г., “Перевал” – в 2015 и в 2016 г. выходит последняя часть трилогии “За перевалом”. К сожалению, на сегодняшний день есть только один небольшой критический отзыв на первую книгу автора “Пустыня”, написанный Эмилем Сокольским (критик, литературовед). Отзыв опубликован в журнале “Дети Ра” в разделе “Прочитанные книги” [16].

Вот несколько самых емких высказываний автора отзыва: “Взгляд Синельникова обращен к детству, к людям, с которыми его сводила жизнь (в том числе и товарищам по поэтическому цеху), к ушедшей эпохе в целом; через многие стихи проходят историко-культурные ассоциации. Автор в своих переживаниях предельно открыт, при этом чужд сентиментальности – но не чужд, однако, ностальгии...” [16]. Э. Сокольский рассуждает, что же является основной темой и лейтмотивом всего сборника и в конце своей публикации приходит к такому выводу: “Одно из стихотворений называется “Любовь”, оно заканчивается словами: “И побрели под зябким листопадом, / Даря друг другу позднее тепло”. Последняя строка – подсказывает мне, каков основной мотив этого сборника. Да: книгой “Пустыня” Михаил Синельников дарит нам свое позднее тепло” [16].

Сам Михаил Исаакович тоже говорит об этих трех книгах. В одном из интервью он так говорит о сборнике “Пустыня”: “Слово “пустыня” для меня неоднозначно. Я бывал в пустынях – реальных, жарких, сухих. Есть сверх того и в жизни человеческой пустыня – утраты близких и дорогих. Пустыня все же не до конца безжизненна и безлюдна, она населена теми, кто в ней остался или внезапно явился...” [3, с. 31]. Как видите, здесь отсылка к знаменитому пушкинскому пророку... Возможно, через такую пустыню проходит и лирический герой Синельникова, и те, кто “является” ему, преподают уроки жизни или ставят ему новые жизненные цели, тем самым наделяя волшебным даром.

При анализе критических статей и интервью поэта мы попытались выявить особенности его лирики и тематики его стихотворений. В заключение можно определить, что основным направлением лирики поэта и, возможно, ее главной особенностью, несомненно, является тема Востока, восточных культур и Родины поэта – Киргизии. Это отмечают большинство литературоведов. Тема Востока настолько близка автору, что не только его

детство и юность, но и последующая жизнь связаны с изучением этого удивительного мира. Восточная тематика стихотворений развивается и постоянно трансформируется, кругозор автора растет и выходит далеко за рамки Киргизии. “Я вообще связан с Востоком в сфере моих интересов и Иранский, и Тюркский мир, Индия, И Северный Кавказ, Грузия, Армения. Но Кыргызстан все же для меня что-то особое. <...> Эта страна – источник всей моей поэзии. Даже если в большинстве мои стихи о России, тень тех карагачей и урюка, которые я сажал на киргизской земле, будучи ребенком, легла в основу всего моего творчества” [17, с. 17], – так ответил Михаил Исаакович Синельников на вопрос о главном направлении своего творчества.

Второе, что отмечают практически все критики, – поэзия М. Синельникова очень многогранна, в ней видно влияние множества культур. Мультикультурность и мультирелигиозность М. Синельникова видна во многих его стихотворениях, они как бы отпечатки его проникновения в другие культуры. Это отмечает в рецензии В. Кулаков – для поэта нет культурных границ [7, с. 82]. Возможно, это тоже влияние многокультурной Киргизии, в которой жил автор. Как он сам неоднократно писал, здесь смешалось множество национальностей, обычаев и культур, которые были хорошей почвой для будущих творений.

Многие критики также считают, что один из самых ярких образов поэтического мира М. Синельникова – время, которое всегда показано у автора. Это либо стихотворения на злобу дня, но чаще воспоминания из глубины веков, глубины собственной памяти. С течением времени поэт уходит от своей “киргизской” темы, но под конец пути неизменно возвращается к ней. В начале нового века поэт выпускает несколько книг, посвященных именно своим воспоминаниям и наполненных лучшими стихотворениями об этом крае: “Ала-кийиз” (2006), “За далью непогоды” (2006).

Несмотря на перемены в жизни, в стране и в самом мире М. Синельников остается преданным старым классическим образцам. Молодые критики и поэты воспринимают это как замкнутость в себе и непринятие нового времени, более зрелое поколение видит в этом влияние великих мастеров, литературного окружения поэта и ценят М. Синельникова за его преданность истинным ценностям.

Литература

1. Синельников М. В снегах Эрцинский лес / М. Синельников // День и ночь. 1976. № 7–8. URL: <http://magazines.russ.ru/din/2006/7/si59.html> (дата обращения: 25.02.2018).
2. Синельников М.И. За далью непогоды // Избранные произведения / М. Синельников. М.: Наталис, 2006.
3. Дардыкина Н. Мистика бытия. Поэт Михаил Синельников: “Влюбленность летуча. Любовь не проходит” / Н. Дардыкина // Московский комсомолец. № 27257. 18 ноября, 2016.
4. О Михаиле Синельникове // М. Синельников. Ала-Кийиз: Кыргызская книга. М.: Наталис, 2006.
5. Шаргунов С. Ювелир или хлебопек? / С. Шаргунов // Ex libris. 2004.
6. Межиров А. Возвращение в Киргизстан: О стихах и переводах Михаила Синельникова // Киргизская рапсодия: Стихи о Киргизии. Восточные мотивы. Переводы из киргизской поэзии / М. Синельников. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
7. Кулаков В. Литературное обозрение. 1988. № 5.
8. Липкин С. Сердце брата / С. Липкин // Знамя. 1998. № 6.
9. Курбатов В.Я. Преображение / В.Я. Курбатов // Дружба народов. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1998/6/kurbat.html> (дата обращения: 22.02.2018).
10. Чайковская В. Литературная газета. № 36 (5756). 8–14 сентября, 1999.
11. Касымов А. Михаил Синельников. Шелк: Шелкография / А. Касымов // Знамя. 2003. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/kasym.html> (дата обращения: 24.02.2018).
12. Чумакина Л. Сложно-почтительно и пылко враждебно / Л. Чумакова // Московская правда. 2004. № 27 (389). 31 августа.
13. Синельников: Чингиз Айтматов заставил киргизский народ думать иначе // Радио Азаттык. 15:17. 2.10.2017.
14. Мой Алыкул – переводчик Михаил Синельников о поэте и Кыргызстане // Sputnik Кыргызстан. 12:42. 02.12.2015. URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20151202/1020568931.html> (дата обращения: 24.02.2018).
15. Денисенко Е. Русская поэзия Кыргызстана: антология Синельникова / Е. Денисенко // Вечерний Бишкек. 2016. № 107 (11124). 9 сентября.
16. Сокольский Э. Прочитанные книги / Э. Сокольский // Дети Ра. 2017 № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2017/4/knizhnaya-polka-emilya-sokolskogo.html> (дата обращения: 1.03.2018).
17. Денисенко Е. Тянь-Шанский мотив россиянина Синельникова / Е. Денисенко // Вечерний Бишкек. 2016. № 153 (11170), 23 декабря.